

*М. М. Кондратенко
(Ярославль)*

Семантические сдвиги в славянских обозначениях времени

Понятие времени является одним из центральных во многих гуманитарных и естественнонаучных исследованиях. В связи с этим возникает вопрос о критериях для описания лексики времени, ее классификации и сравнительного анализа на материале разных языков, или о тех релевантных свойствах времени, манифестируемых лексикой, которые, взятые в их системе, могли бы выступать в качестве своеобразной матрицы для контрастивного исследования. Лингвистический аспект изучения восприятия времени во многом определяется ответами на вопрос о том, как оно отражается в словарном составе. В номинации времени как родового понятия, а также его периодов можно увидеть определенные смысловые сдвиги в рамках многозначности.

Ключевые слова: семантические сдвиги в славянских языках, славянская диалектология, обозначения времени.

Направления современной лингвистики, связанные с изучением народной культуры через призму языка (диалекта), включают в себя сравнительный аспект. Для сопоставительных штудий особенно продуктивным представляется исследование лексики с отвлеченным значением, поскольку у подобных языковых единиц предполагается наличие общего семантического ядра, допускающего адекватное сравнение, даже если они относятся к разным идиомам (причем не обязательно близким в генетическом отношении). Таковой, например, является лексика, обозначающая периоды, интервалы времени, а также определенные точки хронологической последовательности, маркирующие эти периоды и интервалы (даты народного календаря).

Одной из особенностей этого лексического пласта является субъективность номинации. На это, в частности, указывал И. Кант: «время есть не что иное, как форма внутреннего чувства, то есть созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния» [Кант 2015: 39–40]. О субъективных способах восприятия и познания мира как объекте гуманитарных наук писала С. М. Толстая [Толстая 2011: 7–8].

Обозначения времени, кроме того, отличаются наличием нескольких планов содержания, так как содержат указания как на переживаемую реальность, так и на культурный отпечаток определенной эпохи, периода жизни в памяти, а также на их расположение в циклической или линейной последовательности.

Эти качества времени делают необходимым выбор критериев для описания его номинаций с целью их дальнейшей классификации и выявления тех важных свойств, которые в системном изложении стали бы матрицей для сопоставительных исследований.

Языковедческий аспект изучения категории времени прежде всего связан с анализом того, как она представлена в лексике и фразеологии, особенно в диалектной, сохраняющей самую тесную связь с традиционной культурой. Среди диалектных номинативных единиц большой интерес вызывают данные периферийных говоров, в частности говоров славянского севера (севернорусских, кашубских и лужицких) и юга (болгарских). Наиболее актуальным в подобных исследованиях представляется выявление оттенков лексического значения языковых единиц, многозначности, а также семантических сдвигов и их цепочек с учетом контекста на материале диалектных микрозон.

С этим связаны некоторые ономаσιологические задачи, в частности, как их определял Й. Шрёпфер [Schröpfer 1979]: собрать, описать и объяснить средства, с помощью которых обозначается понятие. Таким образом можно выяснить его содержание. Из более новых работ в развитии этого направления можно отметить труды М. Якубович о семантических сдвигах у прилагательных [Jakubowicz 2006; 2010], а также Анны А. Зализняк [Zalizniak 2018].

Так, своеобразное восприятие различных граней времени и, соответственно, его содержание открываются в нижнелужицкой лексеме *cera* со значениями 'время жизни' и 'канавка, незамерзающая часть водоема с быстрым течением' [Мука 1: 118–119] или в родопском прилагательном *авелски* (производном от *ава* 'время') 'наивный, добродушный (человек)' и '(человек) из прошлого времени' (*авелски чилек*) [Стойчев 1965: 121].

В обозначениях времени, таким образом, на основе многозначности лексем можно увидеть некоторые семантические сдвиги, как специфические для отдельных говоров Славии, так и общие для целого их ряда. К подобным семантическим моделям (сдвигам) можно отнести следующие.

«Пространство → время → пространство»

Одно из наиболее часто проявляющихся направлений развития многозначности в обозначениях времени представляет собой модель «время → пространство». Зафиксированы многочисленные примеры манифестации пространственных понятий как временных, например: *с неделю ростом* — ‘об очень высоком человеке’ [ЯОС 9: 5] в ярославских говорах.

Однако связь между физическим пространством и временной протяженностью проявляется и в обратном направлении: в переносе значения с пространственных параметров на временные. Так, в частности, в белорусско-севернорусском ареале отмечено употребление слова *сутки* в исходном для данной семантической модели значении, связанном со стыком, схождением элементов интерьера жилого помещения: ярославское *сапоги я поставлю в сутки* (то есть в угол между голбцем и стеной) [ЯОС 9: 89], а также белорусское *сутки* в значении ‘узкий проход между стенами’ (*двор вузкі як суткі*) [СБГ 5: 23].

В ярославских говорах для манифестации значения ‘очень давно’ используется выражение *по край свету* (*это было по край свету и никто уж не помнит теперь*) [ЯОС 8: 11], в северо-западных белорусских — *кавалак часу* ‘промежуток (кусочек) времени’ [СБГ 2: 353], а в кашубских — *štek čase* (кусочек времени, калька с немецкого *Stück*) ‘небольшой период времени’ [Ramułt 1893: 200]. В болгарских родопских говорах отмечена лексема *йус* ‘период в 100 дней от дня св. Димитрия до 16 февраля’ и ‘старая мера веса’ [Стойчев 1970: 177].

Одной из семантических моделей обозначения времени, поры является его представление как выхода из физического пространства. Производные от праславянского **chod-* раскрывают сущность времени как начало / завершение периода жизни или состояния человека. В ярославских говорах *выход* — ‘время, период’ (*я не прежнёва выходу*) и ‘смерть’ [ЯОС 3: 60]. Значение ‘смерть’ (то есть ‘окончание времени жизни’) отмечено у лексемы в нижнелужицких говорах: *huchod* — ‘смерть’ наряду со значениями ‘выход, исход, отъезд’ [MuKa 1: 430], в этой же диалектной зоне: *psichod* ‘будущее’ (наряду с ‘адвент’, ‘приход’) [MuKa 2: 248], а также *zachod* ‘прошлое’ и ‘заход солнца’, *zachadnosć* ‘прошлое’ [MuKa 2: 1012]. В архангельских говорах *выход* — ‘время вступления в брак’ и ‘истечение срока существования чего-нибудь’ [АОС 8: 358]; значение ‘истечение срока существования чего-нибудь’ представлено в лужицких говорах лексемой *wukhód* [Pfuhl 1866: 906].

В родопских говорах значение завершения, конца чего-либо передается лексемой *излаз* [БЕР 2, 36], аналогом русского *выход*; также в болгарском языке: *лято то излезе, сега е есен*, буквально: лето «вышло», сейчас — осень; *да излезем на пролет*: «выйдем» в весну, то есть доживем до весны [Героу 1897: 229].

Корень *-вход-* также отмечен в обозначении понятий, отражающих время, в пермских и вятских говорах: *настоящего пона у нас нет, а служит входящий* (то есть временный) [СРНГ 5: 240]. То же значение непостоянного, временного, преходящего представлено в лужицких говорах лексемой *zachodnosć*: *zachodnosć wobzan(m)knyć* (закрыть преходящее, временное — т. е. умереть) [Pfuhl 1866: 974].

«Время → погода, метеорологические явления»

Одним из самых распространенных и уже неоднократно описывавшихся в научной литературе типов семантических сдвигов в данной группе номинаций является «время → погода». Эту модель демонстрируют нижнелужицкая лексема *cas* ‘время’ и ‘погода’ [Muka 1: 115], болгарская *време* — ‘время’ и ‘погода’ [Koseska-Toszewa 1972: 66]; в словенских терских говорах: *ura* — ‘астрономический час’ и ‘метеорологические явления’: *pow ure xoda* ‘полчаса ходьбы’ [Baudouin de Courtenay 1904: 36], *slaba ura* ‘плохая погода, гроза’ [Baudouin de Courtenay 1904: 7, 138].

«Маленький (праздник) → повторный, следующий за основным (праздник)»

Этот семантический сдвиг представлен в болгарских родопских названиях праздников Богородицы 28 августа и 21 сентября: *големата чорква* [Стойчев 1965: 146] и *малката чорква* [Стойчев 1965: 203]; в нижнелужицких говорах: *male jatšy* (малая Пасха, следующая за «обычной») [Muka 1: 536].

Об универсальном характере данной семантической оппозиции говорит ее представленность в верхненемецких диалектах: *Kleinneujahr* (буквально: малый Новый год, т. е. день Трех Королей, следующий за Новым годом) [WMF: 103].

«Прошлое → настоящее → будущее»

Характерной особенностью народного восприятия времени, запечатленной в диалектной лексике, является обозначение сложной связи между прошлым, настоящим и будущим, в частности их расположения

относительно друг друга на временной оси. Так, положение в начале линии времени может передавать нахождение в будущем. В ярославских говорах эта связь проявляется в значениях лексемы *напредики*: ‘в будущем’, ‘сперва, сначала’ [ЯОС 6: 108]. Нижнелужицкое *dawetko*, обладающее значениями ‘прежде, недавно, доньше’ и ‘только что’, передает процесс «перерастания» прошлого в настоящее [Мука 1: 161]. Родопская лексема *другуч* обозначает одновременно ‘в другой раз’ (иначе говоря, в будущем) и ‘когда-то, раньше’ (в прошлом) [Стойчев 1970: 167].

В этой группе обозначений времени можно выделить семантическую модель «начало, первичность → прошлое». В нижнелужицких говорах прошлое, мыслимое источником движения во временной последовательности, представлено как его передняя часть: *sprědkalu* [Мука 2: 500–501] (при том, что понятие синхронности воспринимается как равенство: *zrowni* ‘в то же время, одновременно’ [Мука 2: 1112]); в северо-западных белорусских говорах также у одной лексемы (*напераду, унярот*) зафиксированы значения как ‘вначале’, так и ‘раньше, прежде’: *мая матка напераду памёрла; цяпер и на гаспадарсках не так кепско, як унярот; унярот па-беларуску и па-польску размаўлялі* [СБГ 3: 399]. Также прошлое репрезентируется как нечто первое, начальное нижнелужицкой лексикой: *perwota, perwotnosć* [Мука 2: 44–45]; подобным же образом передается значение ‘позавчера’: *prěnžen* (из *předny žen*) [Мука 2: 181]; в белорусских говорах можно встретить аналогичное обозначение — *пярвей, перве* ‘раньше’: *пярвей яны тут жылі* [СБГ 4: 217].

С другой стороны, значение ‘на некоторое время позже’, соотносимое скорее с будущим, манифестируется в говорах Белоруссии лексемой *ззаду, ззадзі* (*ён ззаду на гот вучыцца*) [СБГ 2: 307]. Таким образом, локализация на оси временной последовательности имеет в данных примерах необычный характер, а именно: расположение впереди оказывается, с точки зрения пространственного значения, сзади. В говорах Западной Брянщины, которые по многим признакам относятся к белорусским, отмечена лексема *абратна* в значении ‘опять’: *абратна снег буде* [Расторгуев 1973: 30]. Поворотные события здесь также воспринимаются как движение назад.

Стягивание, поворот времени как окончание времени жизни

(перевернуть, стянуть → уменьшить срок жизни)

Зачастую диалектные лексемы наглядно демонстрируют реконструируемый методами этимологии, но стертый для непосредственного наблюдения первоначальный мотивационный признак времени — поворота,

вращения, отмечаемый для родового понятия «время»: *перавернуцца* — *як на васьмую дзясятку пераверніцца, так и ўсе* [СБГ 4: 484]. В этом примере движение времени жизни и наступление смерти обозначено как его переворачивание.

Помимо этого, время, в частности время жизни, предстает как объект воздействия человека: *сцягнуць врэмя, сцягнуць с пары* ‘состарить кого-нибудь’ (*яго жонка дваццаць гадоў хварэла — сцягнула мужыку врэмя*) [СБГ 5: 46].

С другой стороны, диалектная лексика демонстрирует и обратное по направлению воздействие, то есть времени на человека: *месяц хват* ‘месяц, когда женятся’, *месяц кай* ‘месяц, когда каются после женитьбы, якобы разочаровавшись друг в друге’ [ЯОС 6: 44] в ярославских говорах.

«Сопутствующее природное явление или этап сельскохозяйственных работ → период времени, праздник»

Одной из проблем классификации обозначений времени является их совпадение с наименованиями праздников (геортонимами), не характеризующими называемое явление как интервал времени. В этом отношении именно контекст употребления лексем часто подтверждает их «временной» характер и значение в народной лингвокультуре не только как манифестации реалий социальной и хозяйственной деятельности, но и как важных структурных элементов народного календаря, то есть хронологии.

Так, в славянских говорах существуют целые пласты лексики, называющие окончание или начало сельскохозяйственных работ в качестве единиц счета времени. К ним можно отнести, в частности, следующие наименования.

Жніва ‘час уборкі ураджаю’ [СБГ 2: 150]: *гэта была ў жытнім жніве, у гаўсяным жніве, гэта было ў бульбакопя — калісьці так вызначалі час, людзі не зналі чыслы* [СБГ 5: 443]. В этом примере стоит отметить прямое указание на то, что подобные этапы и виды работ заменяли в прошлом носителям диалектов современное исчисление времени.

В Ярославском областном словаре отмечена, например, следующая лексика, относящаяся к этой семантической сфере: ‘время работы на пашне после полудня’ — *вечерня* [ЯОС 3: 13]; ‘время косьбы вечером’ — *подрок* [ЯОС 8: 34]; ‘время после ужина’ — \diamond *вечерняя роса* [ЯОС 3: 13]; ‘поздно вечером, после возвращения скота с пастбища’ — \diamond *после скотины* [ЯОС 8: 71] и др.

Среди наименований подобного типа есть немало параллелей. В ярославских говорах отмечены такие наименования, как *засев*, *засевка* ‘начало сева, первый посев, сопровождающийся традиционным обедом; праздник перед посевом’ [ЯОС 4: 100]; в северо-западных белорусских — *засеўка*, *засеўкі* ‘начало сева’ [СБГ 2: 251]; *докопки* ‘окончание уборки картофеля с полей и праздник по этому поводу’ [ЯОС 4: 10] и *дакопкі* ‘заканчэнне копки бульбы’ (*дакопкі апраўлялі, пілі і картофляй закусвалі*) [СБГ 2: 16].

В датах народного хозяйственного календаря в качестве устойчивой семантической модели можно наблюдать сравнение с некоей характерной реальией: *baranowa swajźba* (свадьба баранов) ‘праздник пастухов, во время которого они нанимались на работу’ [Мука 1: 14] в нижнелужицких говорах и *баран* ‘праздник в конце молотбы (на который приглашались только близкие и помощники)’ [ЯОС 1: 35].

«Нахождение вне времени → неподходящая для чего-либо пора»

Одним из типов осмысления времени в языке является его представление как подходящей или неподходящей поры для определенной разновидности трудовой деятельности. Неподходящая пора может быть представлена как находящаяся вне времени. Таковы рефлексy праславянского **časъ*: в ярославских говорах *бог часу не дае* (например, картофель копать) ‘нет времени что-либо сделать’ [ЯОС 10: 48]; в нижнелужицких говорах *ńecasny rórod* ‘преждевременные роды’ [Мука 2: 142]. Восприятие времени как поры, подходящей ситуации для чего-либо в славянских говорах если не доминирует, то является очень существенным для его интерпретации (*корова на времени* — ‘в последний период перед отелом’ [ЯОС 6: 76], *невремя* — ‘некогда’ [ЯОС 6: 127] в ярославских говорах; *безвремче* ‘преждевременно оплодотворенный скот’ в болгарских родопских говорах [Стойчев 1970: 155]).

«Окончание/отсутствие работы → свободное время»

Понятие отдыха связывается в нижнелужицких говорах с окончанием работы, пахоты: *dowor* ‘свободное время’ и *doworaś* ‘допахать’ [Мука 1: 194].

Интересна в этом отношении мотивация наименования *prozniny* такого периода времени, как каникулы: от прилагательного со значением ‘пустой, праздный’ [Мука 2: 191].

«Заход/восход солнца → вечер/утро»

В славянской лексике, обозначающей интервалы и периоды в рамках суток и года, содержится не прямое свидетельство «промежуточного» статуса такого времени суток, как утро (и, возможно, вечера), и одновременно более значимой роли дня (по-видимому, наряду с ночью). Возможно, именно этим фактором объясняется употребление многих слов для названия утра в переносном, метафорическом или метонимическом, значении как наступления дня, появления солнечного света. Так, раннее утро в нижнелужицких говорах может обозначаться как *shuńco* (солнце): *wót shuńca až do ćmy* (от раннего утра до позднего вечера) [Мука 2: 439]. Аналогично в севернорусских говорах — *работа начинается с солнца* (т. е. с утра) [СРНГ 39: 271]. В данной системе вечер представлен как период времени «после солнца»: *за солнце, в сумерки, не ужинали* в русских [СРНГ 39: 271] и нижнелужицких говорах: *póshyńco* ‘сумерки, время после захода солнца’ [Мука 2: 147].

Заход солнца в нижнелужицких говорах может уподобляться его движению в дом: *w zymie słyńco jěšnej w domk žo, ako w lěše* (зимой солнце заходит раньше, чем летом) [Мука 1: 187]. Примечательно, что в кашубских говорах лексема со значением ‘дом’ также используется для обозначения заката, но заката человеческой жизни: *zaberac sã dodom* (собираться домой) — ‘отдавать концы’ [Ермола 2011: 28].

«Растительная пища → голодная пора»

Такая модель представлена в кашубских говорах: *gurkovi čas* (огуречное время) ‘голодное время между урожаями’ [Ермола 2011: 28].

«Глупость → время бесправия»

В говорах Западной Брянщины зафиксирована лексема *дурники* ‘время, когда народ был бесправный, придавленный условиями жизни’: *прайшли ужо тые дурники, кали вы ездиле на нас* [Расторгуев 1973: 96].

Исследование обозначений времени приводит к выводу о том, что основная функция категории времени в языке — создание целостной картины восприятия мира. Эта целостность, синтезирующая отдельные фрагменты мировосприятия, во многом обеспечивается такой особенностью лексической семантики, как семантические сдвиги, устанавливающие связь, систему ассоциативных переходов между важными для традиционной культуры понятиями.

Источники

- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М., 1993. Вып. 8.
- БЕР 2 — Български етимологичен речник. София, 1979. Т. II: И — Крепя.
- Геров 1897 — *Геров Н.* Рѣчникъ на българский языкъ. Пловдив, 1897. Ч. II.
- Ермола 2011 — *Ермола В. И.* Кашубско-русский фразеологический словарь. СПб., 2011.
- Расторгуев 1973 — *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров). Минск, 1973.
- СБГ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / уклад. Ю.Ф. Мацкевіч [і інш.], рэд. Ю.Ф. Мацкевіч. Мінск, 1979–1986.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л. (СПб): Наука, 1965–2019. Вып. 1–51.
- Стойчев 1965 — *Стойчев Т.* Родопски речник // Българска диалектология. София, 1965. Кн. II.
- Стойчев 1970 — *Стойчев Т.* Родопски речник // Българска диалектология. София, 1970. Кн. V.
- ЯОС — Ярославский областной словарь. Учебное пособие: в 10 вып. Ярославль, 1981–1991.
- Baudouin de Courtenay 1904 — *Baudouin de Courtenay J.* Materialien zur südslavischen Dialektologie und Ethnographie. II. Sprachproben in den Mundarten der Slaven von Torre in Nordost-Italien. S.-Petersburg, 1904.
- Koseska-Toszewa 1972 — *Koseska-Toszewa V.* Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972.
- Muka 1, 2 — *Muka A.* Słownik dołnosorbiskeje rěcy a jeje narěcow. Wörterbuch der nieder-sorbischen Sprache und ihrer Dialekte. Bautzen, 1966. Bd. 1–2.
- Pfuhl 1866 — *Pfuhl C. T.* Łużiski serbski słownik. Lausitzisch Wendisches Wörterbuch. Budyšin, 1866.
- Ramułt 1893 — *Ramułt S.* Słownik języka kaszubskiego czyli pomorskiego. Krakow, 1893.
- WMF — Wörterbuch von Mittelfranken. Eine Bestandsaufnahme aus den Erhebungen des Sprachatlas von Mittelfranken. Würzburg, 2000.

Литература

- Кант 2015 — *Кант И.* Критика чистого разума. М., 2015.
- Толстая 2011 — *Толстая С. М.* Пространство и время в этнолингвистической перспективе // Пространство и время в языке и культуре / отв. редактор С. М. Толстая. М., 2011.
- Jakubowicz 2006 — *Jakubowicz M.* Motywacje semantyczne przymiotników oceniających negatywnie wygląd zewnętrzny // Словенска етимологија данас. Зборник симпозијума одржаног 5–10. септембра 2006. / САНУ. Научни скупови, књ. 121; Одељење језика и књижевности, књ. 18. Београд, 2007. С. 209–219.
- Jakubowicz 2010 — *Jakubowicz M.* Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odziedziczonych z prasłowiańszczyzny. Warszawa, 2010.

- Schröpfer 1979 — *Schröpfer J.* Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre, Onomasiologie. Begründet und herausgegeben von Johannes Schröpfer. Band I. Die Bezeichnungsweisen eines Grundbegriffsvorrates. Heidelberg. Carl Winter Universitätsverlag, 1979.
- Zalizniak 2018 — *Zalizniak Anna A.* The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. Vol. 22. № 4. С. 770–787.

Summary

Mikhail Kondratenko
Yaroslavl State Pedagogical University „Ushinsky”

Semantic shifts in Slavic time designations

The concept of time is one of the central concepts in numerous humanitarian and natural science studies. Hence, the question arises about the criteria for describing the vocabulary of time, its classification and comparison in different languages, or about those relevant properties of time, manifested by the vocabulary, which, taken in their system, could act as a kind of matrix for contrastive research. The linguistic aspect of the study of the perception of time is largely determined by the answers to the question of how it is reflected in the vocabulary. In the nomination of time as a generic concept, as well as its periods, it is possible to see certain semantic shifts within the framework of polysemy.

Keywords: Slavic semantic shifts, Slavic dialectology, time designations.